

П.А. Кулиш

**Журнал Министерства Народного
Просвещения**

Часть 196

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.А. Кулиш**
Журнал Министерства Народного Просвещения: Часть 196 / П.А. Кулиш – М.: Книга по Требованию, 2014. – 60 с.

ISBN 978-5-4241-6699-0

Журнал Министерства Народного Просвещения

ISBN 978-5-4241-6699-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ И ЗАДУНАЙСКАЯ СЛАВЯНЩИНА

передъ глазами московскаго царя Михаила Феодоровича. 1626 ¹⁾.

(Посвящается Ольгѣ Платоновнѣ М***.)

IX.

Между тѣмъ какъ подвластные Турціи христіане теряли вѣру въ могущество Московіи и въ стойкость православія, боровшагося съ унией, сѣверная Славянщина продолжала древній свой споръ подъ знаменами русской народности съ одной стороны, и польской—съ другой. Въ то самое время, когда Болгарскій патриархъ Аѳанасій, воображая, что судьбы христіанства находятся въ рукахъ у Римскаго папы, готовъ былъ вѣрнуть ему не далекій уже, какъ ему казалось, отъ завоеванія Царьградъ, Московское царство, возставшее изъ своего упадка послѣднимъ напряженіемъ силъ своихъ, обновляло свое разшатанное строеніе съ быстротой безпримѣрною и своимъ свѣжимъ дыханіемъ оживило дѣятельность русскаго элемента въ землѣ Владимира Мономаха. Возстановленіе православной митрополіи въ Кіевѣ было естественнымъ послѣдствіемъ возстановленія государственной силы въ Москвѣ, хотя отъ насъ и скрыты приготовительныя работы этого великаго дѣйствія. Скрыты отъ насъ и тѣ пути, которыми католическая политика овладѣла передовыми умами въ православномъ населеніи Турціи; но характеръ выслѣженныхъ исторіей явленій говоритъ о неизвѣстныхъ ей antecedentes. Православный Востокъ, подобно православному Сѣверу, въ своей исторической жизни, постоянно вырабатывалъ двѣ партіи: одна склоняла его къ уступкамъ преобладающей силѣ, какова бы ни была эта сила; другая крѣпко держа-

¹⁾ *Окончаніе*. См. февральскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за текущій годъ.

лась предаіи церкви и народности въ самомъ бѣдственномъ, отчаянномъ, почти уже погибельномъ положеніи. Мы видимъ въ исторіи Сѣверной Руси дивное торжество этой партіи, постоянно животворившей народъ свой. Исторія Южной Руси представляетъ намъ еще болѣе дивное зрѣлище. Уничужденные и ничего незначашіе въ политическомъ мірѣ, иноки Аѳонской горы и созданныхъ подъ ихъ вліяніемъ Кіевскихъ обителей положили преграду распространенію папизма, который на Западѣ былъ остановленъ только гибелью непобѣдимыхъ армій и тридцатилѣтними кровопролитіями отъ края до края европейскаго материка. Западные политики, способные провидѣть государственныя смуты еще въ правленіе богомольнаго сына Ивана Грознаго ¹⁾, предупреждать развитіе здоровой философіи посредствомъ іезуитской педагогики и систематически развращать общество восточныхъ пуританъ продуктами псевдохристіанской культуры, не могло не предусматривать, что можетъ произойти въ расторгнутыхъ половинахъ русскаго міра отъ возгорѣвшейся искры пародной самобытности. Ихъ безпокойство о нашей отособленной будущности сказывается намъ въ историческихъ явленіяхъ, которыя напоминаютъ намъ длинный рядъ попытокъ втянуть въ свою систему передовиковъ русской дѣятельности, начиная съ того важнаго момента, когда Кіевскій Владиміръ Святославичъ отвѣчалъ посламъ нѣмецкихъ католиковъ: „Идите обратно: отцы наши не принимали вѣры отъ папы“. Къ этому ряду не удававшихся, но съ удивительнымъ постоянствомъ возобновляемыхъ попытокъ мы причисляемъ и неизвѣстное доселѣ путешествіе Болгарскаго патріарха Аѳанасія въ Кіевъ и за Пороги съ цѣлью поднять воинственное населеніе Кіевской земли на войну съ Турками ²⁾. Аѳанасій могъ предпринять это путешествіе, какъ предста-

¹⁾ Англійскій посланникъ Флетчеръ, проведшій въ Москвѣ около полугода, въ 1588 году, по возвращеніи въ Лондонъ, подалъ англійскому министерству донесеніе, въ которомъ предсказываетъ будущія происшествія въ Россіи по смерти царя Федора Ивановича, на основаніи сдѣланныхъ имъ наблюденій.

²⁾ О дѣятельности Аѳанасія Болгарскаго за предѣлами Русской земли мы знаемъ изъ документальной статьи В. В. Макушевца: «Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкѣ» (*Слав. Сб.*, III). Со смертью герцога д'Оссунн профессоръ Макушевъ теряетъ Аѳанасія изъ виду. Но Аѳанасій является передъ нами въ перепискѣ, возникшей между московскимъ центральнымъ управленіемъ и его чиновниками на окраинахъ государства по поводу пріѣзда въ Московское царство претендента на Цареградскій престолъ, Александра Ахін. (Она напечатана въ I т. Матеріаловъ для Исторіи Восточн. Руси). Изъ этой переписки основано дальнѣйшее наше повѣствованіе.

витель православныхъ подданныхъ Турецкаго султана, обратившихся къ братьямъ своимъ по вѣроисповѣданію съ мольбой о помощи. Но онъ слишкомъ долго былъ орудіемъ католическихъ видовъ на христіанскій Востокъ. Судя по приемамъ его дѣятельности, онъ, должно быть, получилъ воспитаніе не отъ афонскихъ, а отъ римскихъ богослововъ. Въ этихъ приемахъ онъ расходился, какъ и самыя латинцы, съ кіевскими вождями православнаго движенія, которые вписывались въ церковныя братства съ готовностью „пролить и кровь свою“, которые постановили себѣ правиломъ „приготовлять самихъ себя и сердца народа къ святому мученичеству“, по ‚никогда не являлись въ той роли, какую опредѣлилъ себѣ Аѳанасій Болгарскій. Ему чужно было только изгнать изъ Европы Турокъ, а передача Константинополя во власть латинцевъ не ужасала его, тогда какъ въ умахъ кіевскихъ руководителей народнои совѣсти торжество надъ Агарянами было неразлучно съ восстановленіемъ на берегахъ Босфора царства православнаго. Не будучи отступникомъ религіознымъ, Аѳанасій Болгарскій былъ тѣмъ не менѣе отступникомъ политическимъ. Спасая своихъ единовѣрцевъ отъ ига мусульманъ, онъ былъ готовъ подчинить ихъ испытанію уже въ XIII вѣкѣ господству цалистовъ ¹⁾. Онъ домогался освобожденія православныхъ отъ деспотизма, который угнеталъ ихъ ради корысти средствами обыкновенными, и подчинялъ тому деспотизму, который производилъ свои грабежи съ помощью инквизиціи.

Къ войнамъ, находившимся, какъ слышно было въ католическихъ совѣтахъ, въ распоряженіи православныхъ архіереевъ, вели Аѳанасія

¹⁾ Напоминикъ читателю, какими ужасами сопровождалось основаніе Латинской имперіи на берегахъ Босфора. Когда крестоносцы вломились въ Царьградъ, ничто не было ими пощажено, ни цѣломудріе, ни лѣта, ни святость церквей и гробницъ. Одна изъ воиновъ проститутку поучала съ каедръ св. Софіи. Нагруженные награбленною въ церквахъ добычею мулы оскверняли алтари текущею изъ ихъ ранъ кровью. Въ священныхъ сосудахъ крестоносцы варили свое любимое кушанье—позвоночныя части говядины съ бобами и лукомъ. Памятники, которыми Константинъ Великій и его преемники обогатили городъ, были разрушены или опустошены. Кромѣ драгоценныхъ камней, металловъ и тканей, крестоносцы жадно нажились на реликвіи, сопровождая грабежъ убійствами, и вскорѣ вся Западная Европа сдѣлалась рынкомъ продажи и перепродажи реликвій не только святыхъ, но и самого Іисуса Христа. Но всего позорнѣе для христіанства было то, что крестоносцы, окончивъ несмысленное разрушеніе и оскверненіе христіанскихъ церквей, праздновали въ завоеванномъ Царьградѣ пасху съ самою церемоніальною набожностью.

поборники распространившагося по южной Руси папизма, и именно тотъ домъ, который изъ мнимой опоры православія сдѣлался явнымъ редутомъ католичества, домъ князей Острожскихъ, былъ на Руси операционнымъ базисомъ таинственной дѣятельности Болгарскаго патріарха. Въ городѣ Острогѣ Аѳанасій нашелъ такой пріемъ, что, заблѣвъ на обратномъ пути, испустилъ тамъ духъ, напутствуемый въ вѣчную жизнь, конечно, отступниками православія. Его внезапная смерть покрыла непроницаемою доселѣ тайною бесѣды его съ Іовомъ Борецкимъ и товарищемъ Борецкаго по архіерейству, Іосифомъ Курцевичемъ, котораго впоследствии царь Михаилъ Ѳеодоровичъ перевелъ въ Московское государство на Суздальскую архіепископію. Знаемъ только, что Запорожское войско не отказалось воевать подъ знаменемъ, выставленнымъ Аѳанасіемъ Болгарскимъ, и не отвергло денегъ, которыя получены имъ для найма казаковъ, само собою разумѣется, не изъ тѣхъ рукъ, которыя нуждались въ оружіи для возстанія противъ Турокъ, а изъ тѣхъ, которыми зажигались инквизиціонныя костры.

Еслибы дѣятельность Болгарскаго патріарха въ Малороссіи была направлена только къ тому, чтобы турецкимъ христіанамъ возвратить ихъ независимость, еслибы католической политикѣ Запада не было дѣла до его путешествія въ „разсадникъ ядовитыхъ растений и пастбище драконовъ“, какъ называлась въ папскихъ буллахъ наша Кіевщина, — то она окончилась бы съ его смертію, какъ обыкновенно оканчиваются начинанія отдѣльныхъ лицъ или недолговѣчныхъ партій. Но глубокое и пространное море политической жизни народовъ появилось передъ нами еще одного пловца, столь же подозрительнаго по своимъ ресурсамъ и по своимъ тайнымъ связямъ, какъ и неутомимый Болгаринъ.

Нѣкто, выдававшій себя за сына султана Магомета III и титуловавшійся султаномъ Ахіей или Александромъ Оттоманусомъ, проживалъ въ 1615—1616 годахъ въ Парижѣ на счетъ князя Неверскаго Константина, происходившаго по женской линіи отъ Палеологовъ. Тотъ и другой были питомцами дворовъ, заинтригованныхъ турецкими дѣлами; тотъ и другой заявляли свое право на Цареградскій престолъ: Александръ Оттоманусъ — какъ наслѣдникъ мусульманъ завоевателей, крещеный въ православную вѣру, а князь Неверскій — какъ потомокъ низвергнутой ими православной династіи, обращенный въ католичество. Первый рассчитывалъ на сочувствіе къ нему мѣстнаго христіанскаго населенія, второй — на помощь католическихъ государей. Они, такимъ образомъ, стремились каждый инымъ путемъ къ овладѣнію

однимъ и тѣмъ же престоломъ; и однакожь между ними, какъ видно, существовалъ какой-то компромисъ: потому что потомокъ Палеологовъ платилъ долги Александра Оттомануса и снабжалъ его агентовъ паспортами и рекомендательными письмами. Исслѣдованіе сношеній обонхъ этихъ интригановъ съ европейскими дворами по документамъ, хранящимся въ италіанскихъ архивахъ, должно еще рельефнѣе опредѣлить характеръ тогдашней политики католическихъ правительствъ. Покаместъ мы имѣемъ только возможность показать, какъ отнеслась не образованная Россія къ европейскому проходимцу, пользовавшемуся довѣріемъ во Франціи, Савойѣ, Флоренціи, Римѣ, Венеціи, и безъ сомнѣнія, обработанному, для особенной цѣли, тѣми же искусниками, которые создали, въ предшествовавшемъ поколѣніи, сына Ивана Грознаго.

Дорога, которою невѣдомые намъ дѣятели или случайности привели Александра Оттомануса сперва въ Малороссію, а потомъ въ Россію, оправдываетъ крайнюю осторожность, съ какою отнеслось къ нему правительство царя Михаила Федоровича. Въ загадочныхъ поступкахъ этого проходимца, умѣвшаго держать себя вкрадчиво и въ толпѣ французскихъ, испанскихъ, австрійскихъ, италіанскихъ политиковъ, и въ кельѣ кіевскаго аскета, и среди запорожской вольницы, и въ бесѣдахъ съ довѣренными лицами Московскаго царя, болѣе нежели что-либо другое, обращаетъ на себя наше вниманіе то обстоятельство, что самозванецъ турецкій не могъ обойтись безъ казаковъ такъ точно, какъ всѣ волошскіе и московскіе самозванцы,—такъ точно, какъ и агентъ римской политики, Аванасій Болгарскій.

Нелюбовь казаковъ къ письменамъ скрыла отъ насъ біографическій элементъ ихъ исторіи; но общій характеръ казацкой военно-промышленной жизни напоминаетъ нынѣшнихъ азіатскихъ іезидовъ, которые считаютъ себя въ правѣ дѣлать все, что осуждается законами божескими и человѣческими. Онъ говоритъ намъ ясно, что руководителями запорожской вольницы были люди, поссорившіеся съ родными, сосѣдами, властями, а иногда и съ цѣлымъ краемъ. Эти люди отвергались міра гражданственныхъ отношеній, устраивали себѣ въ днѣпровскихъ тущобахъ родъ своеобразнаго скита и предавались въ немъ, если можно такъ выразиться, хищному, кровавому, безпощадному иночеству. Общій характеръ дѣяній Запорожца своимъ широкимъ нигилизмомъ объясняетъ намъ еще одну черту днѣпровскаго казачества, доселѣ не замѣченную исторіей, именно:—что въ которую бы сторону эта орда ни направила путь свой, къ Солиману ли

Великолѣпному, или къ Ивану Грозному, къ Нѣмецкому ли императору, или къ Персидскому шаху,—всюду она шла вѣрною ногой, точно по своимъ роднымъ пустынямъ. Причиной этого непонятнаго въ мужицкомъ, какъ обыкновенно думаютъ, скопищѣ запорожской вольницы были, очевидно, ихъ разноплеменность и отсутствіе въ ихъ средѣ единовѣрія. Недаромъ казаковъ называли весьма компетентные ихъ наблюдатели сбродомъ людей со всего свѣта. Недаромъ казаки съ одинаковою охотой занимались воевать Нѣмцевъ и Русскихъ, Турокъ и православныхъ. Недаромъ сановники Московскаго царя говорили о нихъ, что это люди, не имѣющіе страха Божія, а сановники Польскаго короля твердили, что это народъ *religionis nullius* ¹⁾. Въ казацкую вольницу принимались безразлично пришельцы всевозможныхъ вѣроученій, не исключая ни жидовъ, ни мусульманъ. По духу полной терпимости и ничѣмъ не связанной вольности казацкой, запорожское войско состояло изъ представителей различныхъ религій, племенъ и состояній. Всѣ они относились одинаково къ покинутому ими обществу, какъ его отверженцы, и въ какую бы сторону ни направилась Двѣпровская орда походъ свой, всюду вели ее на добычу туземныя истители. Мы знаемъ, что бѣжавшіе къ Татарамъ и Туркамъ польскіе шляхтичи дѣлались ихъ проводниками на грабежъ и опустошеніе родныхъ мѣстностей. То же самое побужденіе заставляло и бѣжавшихъ въ казацкія купы указывать своимъ хищнымъ товарищамъ путь въ тѣ страны, гдѣ эти бѣглецы страдали такъ или иначе отъ богатыхъ и сильныхъ, и гдѣ всѣ зажиточные жители съ ихъ обстановкою были имъ хорошо извѣстны. Кто больше представлялъ ручательствъ легкости и безнаказанности набѣга, тотъ и увлекалъ казацкое товарищество въ свою родную сторону на добычу. Лица, являвшіяся въ казацкой средѣ представителями православныхъ, католическихъ, протестантскихъ, магометантскихъ, языческихъ народовъ и инородцевъ, были своего рода нитями, протянутыми по различнымъ радіусамъ изъ притона крайней вольницы въ притоны всякаго рода деспотизма, которымъ управлялся тогда весь христіанскій и магометанскій міръ. Въ этомъ отношеніи Запорожье представляло въ тогдашнемъ человѣчествѣ одну крайность, а римская курія—другую. Исторія московской самозванщины свидѣтельствуетъ, что если нужно было найти людей безнравственныхъ и безбожныхъ для того, чтобы за-

¹⁾ Отзымъ православнаго Адама Киселя въ оѣциальному донесенію о переговорахъ съ казаками.

тѣять рѣзню и опустошеніе въ мирной странѣ во имя отчаяннаго обманщика, то за этимъ обращались или туда, гдѣ всего меньше, или туда, гдѣ всего больше говорили о нравственности и религіи. По совпаденію крайностей Запорожская Сѣчь и римскій конклавъ являлись недовѣдомыми, но заподозрѣнными исторіей дѣятелями одного и того же предпріятія, хотя паписты и казаки часто позорили другъ друга, одни—во имя своего наглого присвоенія себѣ господства надъ человѣчествомъ, другіе—во имя дикаго отрицанія всякаго присуда, кромѣ своего казацкаго.

И для каждаго предпріятія, каково бы оно ни было, въ томъ числѣ и для войны за христіанскую вѣру, въ смѣшанной средѣ низовыхъ добычниковъ находились подходящія личности, понимавшія рыцарство и христіанство не лучше и не хуже воинственныхъ и христілюбивыхъ демагоговъ своего желѣзнаго вѣка. Но каково бы ни было предпріятіе, во всякомъ случаѣ дѣло, обсуждаемое въ маломъ кругу избранныхъ людей съ извѣстными прецедентами, рѣшалось окончательно бурными рядами неизменно мыслящаго большинства, а общая рѣшимость полудикою массы зависѣла, во первыхъ, отъ того, кто вызывался вести казаковъ на добычу, во вторыхъ, обладалъ ли онъ достаточными средствами для заготовки казацкой голоты, и третьихъ, въ такой ли степени былъ безпомощенъ край, предназначенный для казацкихъ походовъ, чтобъ ожидаемая добыча досталась не слишкомъ дорогою цѣною. По своему разнообразному составу, по характеру отчужденія своего отъ гражданскихъ интересовъ христіанскаго общества, по отсутствію правилъ чести и долга, свойственныхъ корпораціямъ осѣдлымъ, запорожскіе казаки были именно такимъ гнѣдомъ, въ которое макиавеллевская и іезуитская политика могла класть свои змѣиные яйца. Змѣеныши, предназначенные отравить жизнь цѣлому народу, высиживались казаками весьма скоро и охранялись весьма усердно.

Такъ было и съ Ахіей, котораго нравственное зачатіе покрыто такою же неизвѣстностью, какъ и зачатіе выснаженнаго казаками для Москвы самозванца. Когда это новое порожденіе темныхъ силъ появилось въ Малороссіи, днѣпровское казачество находилось въ періодѣ широкаго развитія своего губительнаго промысла. Пожива въ разоренной имъ православной Московіи растравила его еще больше, чѣмъ добычное гостеванье на Черномъ морѣ. Со временъ московской самозванщины число казакующихъ людей возросло ко временамъ Ахія до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Этимъ людямъ, накопившимся

въ чужедное товарищество большею частью путемъ дурнаго воспитанія, пьянаго разгуда и мотовства, уличныхъ дракъ и всякаго рода преступленій, не было возврата къ мирнымъ занятіямъ. Волей и неволей они искали „казацкаго хлѣба“ тамъ, гдѣ государственное управленіе переходило въ безначаліе, гдѣ промыслы и торговля оставались беззащитными, гдѣ собственность и жизнь гражданина зависѣли отъ произвола вооруженнаго наѣздника. Такою страной была для казаковъ имперія Габсбурговъ. Эта несчастная имперія еще со временъ Рудольфа II представляла широкое поприще для добыванія казацкаго хлѣба. И преемникъ Рудольфа, императоръ Матеей, и преемникъ Матеея, императоръ Фердинандъ II, постоянно нуждались въ наемныхъ казакахъ; начатая же Фердинандомъ II въ 1618 году безконечная религіозная война дала въ его владѣніяхъ опустошительному казацкому элементу, такъ сказать, право гражданства среди безпомощныхъ сельскихъ общинъ и бюргерскихъ муниципій. Бѣдствія, испытанныя мирными жителями Австріи отъ казацкихъ разбоевъ, заставили ихъ подать императору коллективную просьбу, въ родѣ той, съ какою черноморское купечество по поводу казацкихъ набѣговъ обратилось къ султану въ 1616 году ¹⁾. Московія, Турція, Польша и Австрія поочередно давали казакамъ случаи зарабатывать ихъ добычный хлѣбъ. Мѣрой этихъ заработковъ, иначе—мѣрой умноженія казачества на счетъ одной или другой страны опредѣлялась государственная и общественная помощь каждой изъ нихъ. Въ эпоху слѣпаго фанатика папизма Фердинанда II, готоваго изъ преданности Риму превратить свою имперію въ безлюдную пустыню, Австрія для казаковъ была тѣмъ самымъ, чѣмъ была для нихъ Московія въ эпоху своихъ смуть, и казаки терзали Австрійскія владѣнія подъ тѣми самыми видами своими, подъ какими проторили широкіе татарскіе шляхи по беззащитнымъ областямъ православнаго царства. Вопервыхъ, здѣсь были казаки лисовчики, называвшіеся такъ по имени шляхтича Лисовскаго, славнаго искусствомъ налетать на мирныя села и опустошать ихъ съ татарскою быстротою. Въторыхъ, казаки днѣпровскіе, именовавшіеся въ послѣднее время казаками Сагайдачнаго, служили императору то отдѣльными дружинами, то въ составѣ казаковъ Лисовскаго, какъ отборные люди Запорожскаго войска. Далѣе, казаки донскіе, будучи участниками запорожскихъ набѣговъ съ незапамят-

¹⁾ Ист. Возв. Руси, II, 214. Просьба имперскихъ жителей напечатана въ *Theatrum Europaeum* подъ 1620 годомъ.

ныхъ временъ ¹⁾, находили вмѣстѣ съ дѣпровцами казацкѣй хлѣбъ и въ Нѣмецкой имперіи. Наконецъ, независимо отъ казаковъ наемныхъ, соотвѣтствовавшихъ польскимъ реестровикамъ, такъ-называемые охочіе казаки появлялись гайдамацкими купами, въ тысячу, въ двѣ, въ три, въ четыре тысячи человекъ, то въ одной, то въ другой изъ имперскихъ областей, смотря по ихъ беззащитности. Имѣя своими проводниками туземныхъ бѣглецовъ, казаки проникали всюду, гдѣ пахло поживою, грабили предмѣстья самой Вѣны, и не довольствуясь повсемѣстнымъ бѣгствомъ жителей изъ своихъ домовъ, выслѣживали ихъ въ болотахъ и заросляхъ для того, чтобы вырывать щипцами куски тѣла у своихъ жертвъ или прожигать беременнымъ женщинамъ пазвонъ животъ ²⁾. Эти „неслыханныя“ злодѣйства въ коллективной жалобѣ имперцевъ приписываются безразлично всѣмъ казакамъ, которые, по словамъ документа, своимъ звѣрствомъ превосходили даже ужасныхъ Валлонцевъ, воспитавшихъ въ себѣ страсть къ пролитію человѣческой крови, служба то одному, то другому государю своимъ истребительнымъ ремесломъ. Какъ въ эпоху московскаго раззоренія, такъ и въ моменты хаотическаго состоянія имперіи Фердинанда II, не было возможности знать ни принадлежности казаковъ къ той или другой бандѣ, ни численности самихъ бандъ. Мудрено было также отличить казаковъ служившихъ отъ такъ-называемаго охотнаго казацкаго войска, и именно потому, что служилые сваливали

¹⁾ Въ 1626 году, со словъ запорожскаго полковника Шафрана записано въ Москвѣ: «А повелось де у нихъ то въ донскихъ казаки изстари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ» (Матер. для Ист. Возс. Руси, т. I, 230).

²⁾ Казацкая тираниа была необходимымъ условіемъ наѣзднической процессіи. Казаки не напрасно величались тѣмъ, что передъ ними дрожитъ весь свѣтъ, и даже въ украинскіе города вступали не иначе, какъ наводи страхъ на своихъ земляковъ. Бунтъ Желѣзняка и Гонты, по разказамъ очевидцевъ, характеризуетъ ихъ въ этомъ отношеніи. Гайдамаки, напримѣръ, въ Черкасахъ не позволяли даже смотрѣть на себя мирному жителю. «Такий бувъ народъ шаленый ты затязци, що оце іде по улиці та вбачить у дворі чоловіка, то выме пистолеть та й кричить: У хату, мурѣю, ато запалю!» То чоловікъ схилитца та підъ повітку» (Зап. о Южн. Руси, I, 252). Слѣдующая сцена дневнаго грабежа, произведеннаго соратниками Желѣзняка въ домъ черкаскаго мѣщанина, показываетъ наследственную казацкую практику запугивать мирныхъ жителей для облегченія себя дѣла. «Ажь ось и йдутъ у хату два затязці, та одинъ на порозі зъ пистолета—бахъ! Памі matka такъ и затрусилась. А другий гайдамака каже: «О, крижый сыну, здикавъ молодлицю! А ну, жамуть, одчинай, нѣне, комору»... (Тамъ же, 257).

свои грабежи на гайдамацкія купы, а гайдамаки пользовались для своихъ переходовъ пребываніемъ въ Австріи казаковъ наемныхъ. Но вторгались ли казаки въ имперскія земли гайдамацкимъ способомъ, или гнѣздились въ нихъ по праву своей службы, во всякомъ случаѣ они были настоящею отравою для мѣстной государственности и общественности.

Нельзя сказать, чтобы правительство Фердинанда II не сознавало страшнаго вреда, который терпѣли мирные жители отъ такихъ наемниковъ, какъ дикари Арденнскихъ лѣсовъ — Валлонцы и дикари днѣпровскихъ пустынь — запорожскіе казаки. Но въ наемныхъ варварахъ, безчувственныхъ къ человѣческому бѣдствіямъ, оно видѣло противоядіе распространявшемуся по Европѣ протестантизму. Излѣчить эту заразу католическаго міра было возможно, какъ это казалось, только огнемъ и желѣзомъ, и казаки были именно такимъ орудіемъ въ рукахъ энтузіастовъ истинной вѣры, въ какомъ нуждался религіозный фанатизмъ Фердинанда II. Конечно, при наймѣ казацкой орды, не принимались въ расчетъ бѣдствія мирныхъ жителей отъ волчьяго рысканья наемниковъ по беззащитнымъ убѣжищамъ земледѣлія, промысловъ, торговли, и не предвидѣлось, что эта орда привлечетъ по своимъ слѣдамъ хищныя орды казаковъ охочихъ. Не предвидѣлась также и невозможность уплачивать наемникамъ въ назначенные сроки жалованье. Но при тогдашнемъ, такъ — сказать хроническомъ разстройствѣ государственнаго хозяйства это случалось неизбежно; и служилые казаки, всякій разъ, когда не могли свалить свои разбои на казаковъ охочихъ, оправдывали себя недоплатою жалованья. Польша извѣстна намъ съ этой стороны ближе, а она была подобіемъ Австріи, быстро склонявшейся къ упадку со времени зловредныхъ для всей Европы подвиговъ Карла V. Въ Польшѣ жолперы въ такіе моменты, когда казна находилась у нихъ въ неоплатномъ долгу, обыкновенно занимали по непріятельски цѣлыя области и неистовствовали въ нихъ до тѣхъ поръ, пока правительство не собирало столько денегъ, чтобы удовлетворить ихъ не выплаченнымъ жалованьемъ, или же — столько вооруженныхъ людей, чтобы ихъ разбить, разогнать, а предводителей разбоя переказнить публичными казнями. Такого сорта жолперы, или лучше сказать, ихъ вожаки, проигравъ свою игру въ качествѣ короннаго войска, вступали обыкновенно въ казацкія купы, какъ бы онѣ ни назывались, какими бы именами онѣ ни гордились, противъ какой бы націи онѣ ни воевали, а не то — бѣжали къ мусульманамъ и нерѣдко дѣлались, въ качествѣ мурзъ и башей,